
Агафья Вебер
Зов из-за грани

Агафья Вебер

Зов из-за грани

«Автор»
2026

Вебер А.

Зов из-за грани / А. Вебер — «Автор», 2026

Говорят, в каждом роду есть тот, кто однажды проснётся.Для Алёны этим днём стала ночь предательства, разделившая её жизнь на «до» и «после». Очнувшись по ту сторону привычного мира, она понимает: то, что произошло с её семьёй — не случайность, а чужая злая воля. И теперь, чтобы спасти самых близких, ей предстоит научиться говорить с огнём, водой и живым деревом бубна.Пронзительная история о тайге, родовом даре и любви, перед которой отступает любая тьма.

© Вебер А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Дом на горе. 5
Глава 2 8
Холод между строк. 8
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Агафья Вебер
Зов из-за грани

Глава 1

Дом на горе.

В этом таёжном посёлке, затерянном среди глухих сибирских увалов в сотнях километров от шумного Красноярска, вечер всегда пах берёзовым дымом, парным молоком и подступающим с сопок морозцем.

Алёнка закрыла тяжелую, обитую старым дерматином дверь фельдшерско-акушерского пункта, привычно дважды провернула тугой ключ в замке и на секунду прислонилась спиной к прохладному дереву, закрывая глаза. На улице уже сгущались синие, густые октябрьские сумерки. Где-то внизу, у реки, лениво перебрехивались деревенские псы, да над крышами домов ровно, умиротворяюще тянулись в серое небо столбики печного дыма.

День выдался длинным, вязким, как осенняя глина. С самого рассвета, едва Алёнка успела растопить печь в маленьком бревенчатом здании ФАПа, потянулись люди. Сначала привели пятилетнего Ванятку с надрывным, лающим кашлем и температурой под сорок. Потом заглянула баба Нюра с края деревни — жаловалась, что давление скачет, как бешеное, и ноги к непогоде крутит так, хоть на стену лезь. После обеда привезли на «уазике» лесоруба с рваной раной на плече, а под самый вечер зашла молодая учительница из местной школы, у которой второй месяц не проходили жуткие головные боли.

Алёнка лечила их всех. Выписывала рецепты, ставила уколы, накладывала тугие повязки, мерила давление старым тонометром. Но каждый в посёлке, от мала до велика, знал один негласный секрет: дело было вовсе не в таблетках из аптечки и не в ампулах с анальгином.

Стоило Алёнке положить свои тёплые, небольшие ладони на горячий детский лоб, прикоснуться к вискам измученной учительницы или просто провести пальцами вдоль ноющей поясницы старухи — боль начинала отступать. Будто кто-то невидимый брал и распутывал тугой, колючий узел внутри человека. Люди выходили из её кабинета с просветлевшими лицами, глубоко вдыхали воздух и диву давались: откуда в этой невысокой, хрупкой на вид женщине столько тихой, ровной, исцеляющей силы?

Сама Алёнка объяснить этого не могла. Она с юности знала, что устроена чуть иначе, чем другие. Ещё в Красноярске, когда училась в медицинском училище, она остро чувствовала чужую боль кожей — стоило только посмотреть на человека, как внутри сразу отзывалось, где именно у него затаилась хворь или тяжесть на душе. По ночам ей снились странные, густые сны: то бескрайняя тайга под низким звёздным небом, то глухой, мерный стук, от которого в груди разливался необъяснимый жар. И спина порой ныла к смене погоды — лёгкий, едва заметный со стороны сколиоз, будто невидимая отметина, напоминавшая, что ноша её в этой жизни не совсем обычная.

Она оттолкнулась от двери ФАПа, поправила на плече ремень потёртой кожаной сумки, поглубже натянула вязаную шапку и пошла вверх по улице — туда, где кончались деревенские огороды и начинался крутой подъём на угор.

Их дом стоял на самом отшибе, выше всех в посёлке, у самой кромки векового пихтача.

Когда несколько лет назад они с Сергеем решились бросить тесную красноярскую квартиру, городской грохот и вечную беготню и переехать сюда, знакомые у виска крутили. Мол, куда вы лезете, в глушь, в тайгу, без асфальта и удобств? А Алёнка, едва поднявшись на этот

пригорок и увидев, как отсюда на десятки вёрст открывается простор — синие волны сопок, серебряная лента реки внизу и бесконечное небо над головой, — сразу поняла: вот оно. Её место. Её земля.

Они купили недостроенный просторный коттедж и своими руками довели его до ума. Сергей, высокий, широкоплечий, с прямым открытым взглядом и сильными руками настоящего мужика, который не боялся никакой работы, сам ставил сруб для бани, ладил тёплые стайки для скотины, тянул проводку и рубил дрова. Алёнка обустраивала дом, сажала огород, разводила кур, коз, держала большое хозяйство. Им было тяжело, порой к вечеру так гудели руки и ноги, что сил хватало только добраться до подушки. Но это было счастливое, светлое время.

Алёнка любила Сергея так, как умеют любить только женщины, нашедшие свою единственную половину раз и навсегда. Без остатка, без оглядки, растворяясь в каждом его слове, в каждом прикосновении. Она знала каждую морщинку у его глаз, каждый шрам на его обветренных руках, слышала его шаги за версту.

Подходя к калитке, Алёнка замедлила шаг и подняла голову. В окнах второго этажа горел мягкий, тёплый свет, а над крышей вился лёгкий дымок — Даша уже вернулась из школы и наверняка растопила камин в гостиной.

Но на душе у Алёнки вдруг стало непривычно тесно и зябко. Уже вторую неделю дом казался слишком большим и гулким.

Месяц назад они проводили в армию старшего сына — Артёма. Алёнка до сих пор помнила, как стояла на перроне районного вокзала, вцепившись пальцами в воротник его куртки, стараясь не расплакаться перед ребятами, вдыхая родной запах сына и шепча про себя молитвы, чтобы судьба уберегла его, вернула живым и здоровым. После его отъезда в доме словно погасла половина света.

А следом, чтобы закрыть кредиты за коттедж и поднять на ноги дочку, Сергей уехал на северную вахту. Уехал на долгие два месяца, в далекий, занесённый снегами край, куда и связь-то пробивалась с перебоями.

Алёнка толкнула калитку, прошла по вымощенной камнем дорожке мимо тёмных, пахнущих сеном стаек, где тихо переступала с ноги на ногу скотина, и поднялась на крыльцо.

В прихожей пахло печёными яблоками и сухими травами — пучки зверобоя, чабреца и полыни висели под самой потолочной балкой, бережно собранные Алёнкой ещё в августе.

— Мам, это ты? — из гостиной выбежала четырнадцатилетняя Даша. Тонкая, светлоглазая, с длинной русой косой, переброшенной через плечо, она была удивительно похожа на отца улыбкой, но взгляд у девчонки был мамин — глубокий, внимательный, видящий чуть больше, чем положено в её возрасте. — А я картошку в духовке запекла с грибами! И чай с душицей заварила. Ты совсем замёрзла?

— Умница моя, — Алёнка обняла дочку, прижимая к себе её тёплое, пахнущее домом и яблоками плечо, и почувствовала, как дневная усталость начинает понемногу отпускать. — Без тебя бы я совсем пропала, солнышко.

Она прошла в гостиную, стянула тяжёлый свитер и на секунду замерла у большого дубового стола. На краю скатерти, рядом со школьными тетрадками по алгебре, лежала потёртая бархатная мешочек-кисет, из которого выглядывали уголки старой колоды карт Таро и несколько гладких, отполированных до блеска овечьих косточек — альчиков, которые Даше подарила прошлой зимой старая соседка-хакаска.

Алёнка мягко покачала головой, но запрещать дочке не стала. Она видела, как у девчонки просыпается та же самая чуткость к невидимому миру. Порой Даша бросала кости на стол, долго смотрела на то, как они ложатся, и говорила такие вещи, от которых у взрослой женщины по спине пробегал холодок.

— Папа звонил сегодня? — тихо спросила Алёнка, присаживаясь к столу и обхватывая ладонями горячую кружку с чаем.

Даша на секунду замялась, опустив глаза на свои тетрадки, но тут же постаралась улыбнуться:

— Звонил днём, мам, когда ты на вызове была. Сказал, что у них там метель сильная, связь плохая, просил передать, что всё нормально, работает.

Алёнка кивнула, глядя на пляшущие языки огня в камине. Вроде бы всё хорошо. Жив, здоров, при деле. Но почему же тогда где-то под самым сердцем, там, где она всегда безошибочно чувствовала мужа, вдруг поселился странный, колючий сквозняк? Будто между ними протянулась невидимая нить, и с каждым днём эта нить натягивалась всё туже, звенела тоньше, грозя оборваться в любую минуту.

Она ещё не знала, что до первого страшного удара остаются считанные дни, и что совсем скоро этот тихий дом на горе станет для неё не просто пристанищем, а местом, где ей придётся заново родиться из огня и боли.

Глава 2

Холод между строк.

Первые две недели после того, как за воротами стих гул вахтового «Урала», увёзшего Сергея к станции, время в таёжном посёлке текло привычно, густо и медленно, словно живица по старой сосновой коре. Октябрь в этих краях — пора особая, пограничная. Лиственницы уже сбросили своё золотое убранство, устелив рыжим ковром раскисшие лесные дороги, а сосны и пихты стояли тёмные, насупленные, вбирая в себя серую хмарь низкого сибирского неба. Утром с Енисея поднимался тяжелый, сырой туман, он полз вверх по распадку, цеплялся за крыши крайних изб и долго не желал уходить, пока дневной ветер не разгонял его по вершинам сопок.

Жизнь Алёнки складывалась из чёткого, выверенного годами ритма, в котором не оставалось места ни пустым страхам, ни лишним раздумьям. В половине седьмого она уже была на ногах. Пока в печи разгорались сухие берёзовые поленья, наполняя дом тёплым, живым треском и запахом дымка, она ставила на плиту чайник, умывалась ледяной водой из рукомойника и накидывала на плечи тёплую шерстяную шаль. Поясницу по утрам тянуло — старый, ещё с юности привязавшийся сколиоз всегда остро реагировал на сырость и резкие перепады давления. Алёнка привычно растирала спину костяшками пальцев, делала пару глубоких вдохов, расправляя плечи, и шла будить Дашу в школу.

В восемь утра она уже спускалась по каменистой тропинке со своей горы вниз, в центр посёлка, где стоял бревенчатый фельдшерско-акушерский пункт с выцветшей синей табличкой у крыльца. Здесь её знали все — от мала до велика. Для одних она была просто Алёнка, своя, выросшая на этих же улицах девчонка; для других — Алёна Викторовна, единственный человек на тридцать километров вокруг, к которому бежали, когда прихватывало сердце, поднимался жар у ребёнка или кто-то из мужиков неудачно срывал спину на лесоповале.

Она любила свою работу той тихой, прочной любовью, которая не требует громких слов. Любила запах камфоры, спирта и сушёного зверобоя в процедурной, любила шелест бумажных карточек, в которых была записана вся история посёлка — кто когда родился, чем переболел, кого схоронили, а кого вытащили с того света. Но было в её врачевании и нечто такое, о чём она не писала ни в одном журнале отчётности.

Порой, прикладывая холодный кружок фонендоскопа к чьей-нибудь спине или беря человека за запястье, чтобы посчитать пульс, Алёнка чувствовала больше, чем просто удары крови. Под её ладонями вдруг оживала чужая боль — не как медицинский симптом, а как тёмный, вязкий сгусток, тяжесть, застрявшая где-то между лопатками или под солнечным сплетением. Тогда пальцы её сами собой начинали теплеть, кожа на ладонях покалывала мелкими иголками, и человек на кушетке вдруг глубоко вздыхал, словно с плеч у него сняли невидимый мешок с камнями.

«Руки у тебя, Алёнка, лёгкие, как у бабки твоей, — говаривала старая баба Нюра, заходившая померить давление просто ради того, чтобы попить чаю с чабрецом и поговорить за жизнь. — Та, бывало, погладит по голове — и хворь как рукой снимает. Не зря в роду вашем знающие были».

Алёнка в ответ только отшучивалась, списывая всё на опыт, чуткость и знание анатомии. Она не искала в себе никакой особой силы, не любила громких разговоров о тайном. Ей хватало её дома на горе, её травяных сборов, висевших пучками на чердаке, и тихого, надёжного счастья, которое они с Сергеем строили двадцать лет.

К вечеру, возвращаясь домой, она обязательно останавливалась на минуту у комода в горнице. Там, в простой деревянной рамке, стояла фотография Артёма — стриженного под машинку, в зелёной армейской форме, с чуть растерянной, но гордой улыбкой. Сын служил далеко, за Уралом, и звонил раз в неделю, по воскресеньям. Разговоры с ним были короткими, по-мужски сдержанными: «Всё нормально, мам. Кормят хорошо. Командиры нормальные. Привет папке и Дашке». Алёнка прижимала телефон к уху, вслушиваясь в каждое его дыхание, и по одной только интонации определяла: не врёт, держится молодцом, хоть и скучает по дому до боли в скулах.

А вот с Сергеем всё было иначе. Их связь не нуждалась даже в словах.

За годы совместной жизни они срослись корнями, как два старых кедра на каменистом склоне, чьи ветви переплелись так плотно, что в бурю они держат друг друга, не давая ветру вывернуть ни одного из них из земли. Алёнка всегда знала, что происходит с мужем на вахте, даже когда он уезжал за тысячу вёрст на север, туда, где за Полярным кругом гуляют белые метели и телефонная связь пробивается только урывками.

Если у Сергея выдавалась тяжёлая смена на морозе, у Алёнки дома вдруг начинали леденеть пальцы рук, и никакие варежки не помогали, пока она не согревала их над печкой. Если он подхватывал простуду или тянул мышцу, её собственный застарелый сколиоз отзывался глухой, тянущей ломотой ровно в том самом месте — под левой лопаткой. Она тогда звонила ему вечером, не спрашивая, а сразу строго выговаривала: «Опять без шарфа на ветру стоял? Спину застудил, я же чувствую. Разотрись на ночь камфорой, не дури». И Сергей на том конце провода только усмехался виновато: «Ну вот как ты узнаёшь, ведьма ты моя домашняя? Ничего от тебя не скроешь».

Эта невидимая нить была для Алёнки таким же естественным законом природы, как смена времён года или восход солнца над сопками. Она не боялась разлук, не изводила себя ревностью, потому что знала: пока эта нить тёплая и живая, Сергей рядом, даже если между ними сотни километров тайги и болот.

Перемена пришла в середине октября. Она не обрушилась сразу, как весенний паводок или гроза в июле. Она вползла в дом тихо, как ночной заморозок, от которого сначала только чуть прихватывает инеем траву у крыльца, а наутро глядишь — и все цветы в палисаднике почернели и поникли.

Началось с того, что звонки Сергея стали короткими и какими-то пустыми.

Раньше, даже после двенадцатичасовой смены на буровой, он звонил перед сном просто чтобы услышать её голос. Спрашивал, натаскала ли она воды, не барахлит ли заслонка в печи, какие оценки принесла Даша и не болит ли у самой Алёнки спина. В его голосе всегда жило тепло — густое, домашнее, от которого на душе сразу становилось спокойно и светло.

Теперь же телефон в вечерней тишине молчал по два-три дня. Когда Алёнка набирала сама, гудки тянулись долго, нудно, словно продираясь сквозь вату, а потом в трубке раздавался сухой, чужой голос:

— Да, Алён. Слушаю.

— Серёж, ты чего не звонишь? Я уж извелась вся, думала, случилось что, — начинала она мягко, стараясь не давить.

— Да некогда, Алён. Аврал тут у нас, технику перегоняем, связь никакая, — отвечал он быстро, без привычной ласки, и в фоне слышался не шум ветра и не гул дизеля, как обычно, а какая-то глухая, закрытая тишина, будто он говорил из тесной комнаты или вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. — Давай завтра, а? Устал я, спать хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.